Мишель Уэльбек видит Европу глазами кремлевского пропагандиста. Окружающее пространство для него отвратительно, наполнено всякого рода извращениями, а главное — от европейской жизни так и тянет тленом, мертвечиной, отсутствием смысла жизни. Среди прочих примет загнивания и разложения, например, дается довольно подробное описание секса неверной подруги героя с животным (не скажу, каким!). Так может быть, там, за бугром, все и правда ужас-ужас? Разумеется. Другое дело, что так, по Уэльбеку, везде. Его тотальная мизантропия границами не корректируется. «Утром первого января, как и во все утра мира, солнце встало над горемычной нашей жизнью».

«Серотонин», написанный, как обычно у Уэльбека, от первого лица, посвящен сугубо частной истории. В этом я вижу проблему. В своих первых книгах Уэльбек сразу заговорил о грандиозных вещах: конце света, антропологической катастрофе и прочем.

Трудно менять такой масштаб. Мне грандиозности обобщений в Серотонине не хватало. Как-то оно, знаете, мелковато.

Потому что история героя, при всей виртуозности исполнения, крайне банальна. Хорошо обеспеченный неудачник (такова его самооценка) под пятьдесят всю книгу активно страдает то ли от экзистенциальной пустоты, то ли от клинической депрессии. Попутно он думает убить разных людей (включая пятилетнего ребенка), себя; наблюдает вооруженную борьбу французских аграриев за свои права и другие картины загнивающего Запада, повторю, словно почерпнутые из материалов Russia Today. Да читали мы про такое миллион раз. Скажу в рифму: зачем же нам Серотонин, если был уже Селин?

Затем, отвечу, что книга хороша вне зависимости от идейного наполнения. Злая ирония, тонкое издевательство над всеми социальными и просто человеческими институтами бодрят. Особого упоминания заслуживает изничтожение Уэльбеком психиатрической отрасли, его насмешки над искусственным раем чудодейственных препаратов.

Цитата как раз об этом: «Маленькая белая таблетка овальной формы с насечкой посередине. Она ничего не создает, не видоизменяет; она интерпретирует. Все окончательное делает преходящим, неотвратимое — случайным. Она дает жизни новое толкование, обедненное, искусственное, слегка деревянное. Счастья она не приносит ни в какой форме, ни даже настоящего облегчения, ее смысл заключается в другом: превратив жизнь в последовательность механических действий, она им просто помогает обманываться. А стало быть, и выживать или хотя бы не умирать — какое-то время».

РЕЗЮМЕ: Уэльбек на сей раз ничем не поразил, да и не удивил. Его фирменная мизантропия все та же — но все так же хороша. А жизнь в Европе, похоже, и правда дрянь.